

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 008+7.01
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-263-272>

Поступила в редакцию 27.02.2018
Received 27.02.2018

В. А. Салеев

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

КАК Я ПОНИМАЮ КУЛЬТУРОЛОГИЮ

Анотацыя. Рассматриваются предмет, задачи и способы формирования знания новой гуманитарной науки – культурологии. В плане аксиологической интерпретации сущности культуры автором предлагается разработанная им неоксиологическая методология как ведущий способ исследования сложных сфер и видов культуры. Акцентируется необходимость суверенности культурологии и как науки, синтезирующей разнообразные знания о культуре. Ее высшая задача, по мнению автора, заключается в формировании человека как субъекта культуры.

Ключевые слова: культура, культурология, ценность, оценка, аксиология, неоксиология, гуманитарное знание, наука, методология, теория культуры, история культуры, прикладная культурология, оценочное отношение, ценности культуры, носитель культуры, опыт личности, духовность, взаимодействие культур

Для цитирования. Салеев, В. А. Как я понимаю культурологию / В. А. Салеев // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 3. – С. 263–272. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-263-272>

V. A. Saleyev

*Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre,
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

HOW I UNDERSTAND CULTUROLOGY

Abstract. The article examines the subject, tasks and ways of forming knowledge of a new humanities science – culturology. In terms of axiological interpretation of the essence of culture, the author proposes his neoaxiologic methodology, as the leading way of investigating complex spheres and types of culture. It emphasizes the need for the sovereignty of cultural studies, as a science that synthesizes a variety of knowledge about culture. The highest task of it, as postulated in the work, is the formation of man as a subject of culture.

Keywords: culture, culture, value, evaluation, axiology, neoaxiology, humanitarian knowledge, science, methodology, theory of culture, cultural history, applied cultural studies, appraising attitude, cultural values, culture bearer, personal experience, spirituality, interaction of cultures

For citation. Saleyev V. A. How i understand culturology. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya Humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 3, pp. 263–272 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2018-63-3-263-272>

Культурология появилась на восточнославянской земле в конце 1980-х гг. Первоначально она являлась учебной дисциплиной в вузах тогда еще единой, могучей страны. Можно сказать, что культурология возникла на волне перестройки, в ожидании больших, сущностных перемен и наглядно олицетворяла собой новое в образовательном процессе высшей школы. Помнится, что она значительно опережала, по данным социологов конца 1980-х гг., эстетику, этику (они, вслед за культурологией, пользовались наибольшей популярностью у студентов), не говоря уже об исто-

рии КПСС, научном коммунизме, политэкономии и марксистско-ленинской философии, которые десятилетиями составляли костяк гуманитарного знания в высших учебных заведениях страны.

К тому же культурология отвечала глобальным общественным потребностям: все советские люди ощущали дефицит культурологического знания, и приобщаться к культуре, повышать свои знания о ней, ощущать на себе благотворное влияние культуры было желанием не только студенческой молодежи, но и самых широких слоев населения (знать бы, что через четверть века и уровень культуры значительно понизится, и желания многих людей в этом направлении, под влиянием социоэкономических обстоятельств испарятся).

Уже в начале 1990-х гг., с возникновением вместо бывшего СССР новых суверенных государств, культурология получила новый всплеск интереса – теперь он касался национальной культуры, многие проблемы которой или не разрабатывались, или замалчивались по идеологическим мотивам в советскую эпоху.

Эта сверхмолодая наука, как отмечалось выше, в последнее тридцатилетие, практически на переломе XX и XXI веков, вошла в общественное сознание на территории постсоветского пространства. Ныне дисциплины культурологического цикла входят не только в систему вузовского образования, но присутствуют и в школьном обучении.

К XXI веку выяснилось, что человечество живет в сфере культуры (самое простое и поэтому самое фундаментальное определение культуры – она, в отличие от природы, есть творение ума, чувства и рук человеческих), направляется ею, осуществляет творческие свершения благодаря ей.

Поэтому многочисленные исследования различных аспектов культуры, которые, особенно в последние два десятилетия, заполнили и научное, и публицистическое пространство, требуют проверки и определенного осмысления в русле развития современной гуманитарной науки.

Первые опыты в исследовании культурологии (которые сразу же осуществились вслед за волной массового преподавания этой новейшей дисциплины в вузах) натолкнулись на ряд препятствий. Это прежде всего понимание культуры в ее сущностных характеристиках. Выдающийся французский исследователь Абрахам Мольтенасчитал в начале 1970-х гг. свыше 250 определений культуры [1, с. 35]. Ныне, почти полвека спустя, число этих определений, вероятно, доходит до полутысячи.

Нельзя сказать, что советские ученые до перестройки не занимались проблемами исследования культуры. Так, работы С. Артановского, Э. Соколова, Э. Маркаряна [2–4] намного опередили свое время.

С середины 1990-х гг. на постсоветское пространство хлынул целый поток книг по культурологии (главным образом учебных пособий). При этом следует отметить лишь немногочисленные примеры позитивных достижений в области качественного культурологического знания.

Так, книга В. М. Розина [5] написана с использованием психологического подхода к явлениям культуры; в пособии П. С. Гуревича [6] культурология трактуется как интегральное выражение гуманитарных знаний, в нем также затрагиваются этнонациональные аспекты проявления культур; в книге Ю. В. Рождественского [7] несколько смещается понятие самого культурологического знания – автор предпочитает говорить о приобщении к «ведению» фактов и проявлений культуры. В этих лучших работах 1990-х гг. представлены и авторские концепции понимания культуры, содержания культурологии как специфической учебной дисциплины.

В начале 1990-х гг. учебные пособия по культурологии публикуются и в Украине. Одна из первых удачных книг, изданных во Львове в 1992 г. [8], содержит в себе три основополагающих раздела – теория культуры, история мировой культуры и история украинской культуры.

В конце 1990-х гг. выходят в свет и белорусские учебники по культурологии. Вслед за пионерскими публикациями в области истории белорусской культуры, белорусского самосознания и белорусской идентичности [9–13] в 2000-х гг. появляются пособия, которые охватывают довольно обширную проблематику культурологических проблем [14–17].

Впрочем, культурологическая проблематика решается и в большинстве новых учебников в России. Примером может служить одно из содержательных учебных пособий последних лет (Пивоев В. М. Культурология: введение в историю и теорию культуры. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014). В большинстве работ, как правило, излагаются в крайне сокращенном виде теоретико-

методологические установки по изучению культуры, затем следует рассмотрение обширных исторических этапов развития, главным образом мировой (с акцентом на европейскую) культуры. В лучших пособиях обнаруживается глава, посвященная отечественной культуре.

В то же время на сегодняшний день разработка теоретических проблем культуры, как и понятийного аппарата самой культурологии, заметно отстаёт от общих потребностей в гуманитарном знании ныне, в приближении к 20-м гг. XXI в.

Во многом это связано с многозначностью основополагающего понятия «культура». Выше уже отмечалось лавинообразное нарастание дефиниций культуры, за каждой из которых стоит концептуальная разработка в плане изучения этого многосложного феномена. Известный социолог Л. Ионин в книге «Социология культуры» излагает методологические принципы классификации дефиниций культуры, по которым строили свою систему американские исследователи А. Кребер и К. Клакхон. Они разделили все определения культуры на шесть основных групп (от А до F), причем некоторая дифференциация существует и внутри групп.

Эта систематизация включала в себя:

а) описательные определения, в которых упор делается на перечисление всего того, что охватывает понятие культуры. Родоначальником такого понимания культуры является знаменитый антрополог Э. Тайлор;

б) исторические определения, в которых акцентируются процессы социального наследования, традиция;

в) нормативные определения. Эти определения делятся на две группы. Первая – определения, ориентирующиеся на идею образа жизни... Вторая – определения, ориентирующиеся на представления об идеалах и ценностях;

г) психологические определения, в которых упор делается либо на процесс научения (D – II), либо на формирование привычек (D – III). Индексом D – IV Кребер и Клакхон обозначают «чисто психологические определения»;

д) структурные определения, в которых внимание акцентируется на структурной организации культуры;

е) генетические определения, в которых к культуре подходят с позиции её происхождения.

Эти определения разделяются на четыре группы: F – I, в которых культура рассматривается как продукт или артефакт; F – II, где упор делается на идеях; F – III – подчеркивается роль символов; F – IV – культура определяется как нечто, происходящее из того, что не есть культура...

Каждое из этих многообразных определений сосредотачивается на какой-то одной стороне, характеристике, качестве культуры [18, с. 15–17].

Из сказанного очевидно, какой сверхсложный феномен представляет собой культура. Однако это, на наш взгляд, не означает, что не должны продолжаться поиски целостного определения культуры. В этом плане не могут удовлетворить и максимально широкие философские абстракции по поводу онтологического или антропологического статуса культуры, «как и вытекающие из них усеченные дефиниции культуры в качестве реального способа связи природного и социального в человеческом бытии» [19, с. 46].

Не менее актуальной остается проблема сущностной природы культуры и источников её развития. Если суммировать теоретические воззрения на формирование культуры в отечественной литературе, исключив такие, отдельно стоящие подходы, как структурно-семиотический (идущий от московско-тартусской школы во главе с Ю. М. Лотманом; в Беларуси его разделяет В. В. Поздняков), синергетический (отчетливо выраженный в отдельных работах академика В. С. Степина и его последователей [20]; в Беларуси приверженцами этого подхода являются Э. М. Сороко, Т. Д. Мдивани), а также ряд частных подходов, например, «диалогический» (М. М. Бахтин, В. С. Библер), то, с нашей точки зрения, останутся три основных, магистральных варианта.

В первом из них акцентируется социальная природа культуры, вытекающая из конкретно-исторического и социально-детерминированного деятельного существования общества (Л. Коган, В. Конев, Е. Вавилин, Ф. Фафанов и др). В Беларуси этот подход на очень высоком научном уровне реализует в своем научном творчестве, посвященном проблематике развития культуры, академик Е. М. Бабосов.

Вторая основополагающая парадигма в рассмотрении проблематики культуры – деятельностный подход в историческом прогрессе (Э. Баллер, В. Межуев, Н. Злобин), подкрепляемый последовавшей на переломе 1980–1990-х гг. более точной разработкой понятия «деятельность» (Э. Маркарян, М. Каган, Л. Боева, В. Давидович, Ю. Жданов). Этот подход был столь популярен в Беларуси в конце XX века, что им пользовались не только философы и социологи, но он преваляровал и в психологических и педагогических исследованиях.

Наконец, третьим магистральным подходом, обнажающим сущностную природу культуры и намечающим пути её гармоничного развития, выступает аксиологический подход, который провозглашает, что культура есть «мир воплощенных ценностей» (Н. Чавчавадзе). Эти идеи, судя по литературе, разделяют С. Анисимов, Е. Богомолова, Г. Выжлецов, О. Белый, А. Гайжугис.

В Беларуси аксиологическую методологию как основополагающую в плане исследования проблем культуры используют Н. И. Крюковский и В. А. Максимович. И, разумеется, автор этих строк, который полагает, что аксиологический подход в исследовании и постижении феноменов культуры становится безальтернативным, поскольку исходное понятие – ценность в качестве значимости объекта для субъекта – соединяет созданное человеком в его культуротворчестве с его отношением к действительности, с его глубинным личностным переживанием и оценкой ценностного смысла явлений духовного бытия.

Поэтому совершенно неправомерной представляется автору точка зрения сторонников «дезаксиологического» подхода (имевшего место в отечественной философии в конце 1980-х гг., представители которого отрицали оценочные реакции субъекта, выставляя в качестве альтернативы собственный «моноцельный» подход, позволяющий исследованию быть четко выверяемым в логических параметрах), поскольку оказываются элиминированными чувственные компоненты, в снятом виде выражающие человеческое отношение к предметам и явлениям, составляющим основу аксиологического подхода.

В этом плане критике может подвергаться и «пандеятельностный» подход, ядро которого составляет отражательно-познавательный каркас, где естественно, снимаются эмоционально-чувственные компоненты, «препятствующие» постижению объективной реальности. Это объясняет, почему реализация проективной человеческой деятельности оказывается порой вне сферы культуры: она отчуждается от духовной природы человека, его мирозерцания и мироощущения. Последовательно проведенная логика осмысления гносеологической природы знания приводит М. С. Кагана к идее исключения истины (в отличие от Добра и Красоты) из структуры ценностного поля, хотя он замечает, что между истиной и ценностью существуют разноплановые взаимодействия [21, с. 69–72].

Разумеется, Знание добывается в процессе межобъектных отношений, но вводится в систему общественного сознания, в реальное бытие культуры как необходимая (по своей дополнительно-сти относительно к ценностному отношению) её часть. «Чистые» формы науки, конечно, построены исключительно на гносеологическом «субстрате», что четко показано В. С. Степиным в его философском учении о развитии науки (раздел, касающийся «классического» периода науки).

Однако в той же доктрине, в разделе, касающемся «постнеклассической» (т. е. современной) науки, допускается и воздействие субъектного фактора на познавательный процесс. Речь идет, главным образом, о фундаментальной науке, т. е. о круге «естественных» наук. Однако в гуманитарных науках знание передается через отношение, с включением эмоционального фактора и, в конечном счете, через оценивание человека.

В оценочной «востребованности» проявляются и достижения науки, которые несут на себе результат человеческого духовного усилия. Вот почему она как институт по созданию знаний, в глобальном плане представляющий несомненную ценность для человечества, является одной из ведущих подсистем общей системы культуры. Заметим, что исключение истины из ядра культуры характерно и для теософских учений (особенно религиозно-философских доктрин Востока), которые стремятся элиминировать рационально-критический подход из человеческого отношения, апеллируя непосредственно к природному человеческому чувству.

Все эти «нестыковки», несоответствия и определенные сложности могут и должны сниматься при углубленном современном аксиологическом поиске, столь, на наш взгляд, плодотворном в обнаружении непреходящей связи человека и культуры.

Именно глубинное осмысление сущности человеческого бытия возможно через созданную человеком (этносом, человечеством) культуру, через ценности, которые она заключает в себе, и через их оценку в свете изменяющегося времени.

«В ценностях, – замечает Н. Чавчавадзе, – мы видим цели и средства культуротворческой деятельности человека, а в культуре – преобразование человеком себя и всего мира сообразно определенным ценностям» [22, с. 6].

Аксиология, как известно, является философским учением о ценностях, главным образом о теории ценностей. Такова классическая трактовка этой специфической области философского знания. «Крестный отец» аксиологии Р. Г. Лотце в 1860–1870-х гг., выделяя аксиологическую проблематику в специальную область философии, определяет три основных рядоположенных сферы, которые основополагающим образом влияют на характер человеческой жизнедеятельности: действительность, истинность и ценность. Принципиально важным является то, что ценностный мир он связывает с высшими духовными идеалами человеческого бытия.

В советской философии разработка аксиологической проблематики начинается с 1960-х гг. Ныне, уже в XXI столетии, можно констатировать, что усилиями ленинградской школы (В. Тугаринов, М. Каган, близкий к ней Л. Столович и др.), тбилисской (Н. Чавчавадзе, О. Бакурадзе, Г. Бандзеладзе, В. Квачахия и др.), московской (С. Анисимов, Ю. Боров, О. Дробницкий, М. Кисель; под словами «и другие» следует понимать и небольшую школу аксиологии в МГУ, куда кроме С. Анисимова можно отнести А. Гайджутиса и автора этих строк) наработаны определенные достижения, которые существенно сокращают более чем полувековое отставание в этой области от мировой философской мысли.

Советская аксиологическая школа в подавляющем своем большинстве постулировала в качестве центральной проблемы в аксиологии проблему ценности. Марксистская философская традиция, как утверждал в своих работах В. Тугаринов, в аксиосфере делала акцент на ценностном отношении, выделяя объектные характеристики как самих явлений, так и их свойств, равнозначимых в разряд ценностей [23, с. 11]. На предметных свойствах ценностного отношения как определяющей системе общеаксиологического подхода акцентировал своё внимание и Стефан Моравский, подчеркивающий, что ценностный субстрат не может возникнуть из инструментария исследовательского процесса, но из «оснований предмета исследования, из истинности и особенностей ценностей (этических или эстетических) и соответствующих им оценок» [24, с. 46]. Однако в русле той же знаменательной дискуссии о ценностях и оценках в польской философии 1967 г. появились соображения относительно того, что оценка не является просто ответом на ценность. Собственно оценка, как предположил П. Графф, «должна основываться на чем-то внешнем по отношению к тому, что оценивается, а именно на более общем критерии» [25, с. 87].

Автор этих строк с начала 1970-х гг. предпринимал попытки дифференцировать ценностное и оценочное отношения; при всей своей близости они сохраняют, по мнению автора, и известное различие, обладая в то же время и определенной спецификой и суверенностью. В 1990-е гг. автор, развивая эти идеи, постулирует новое, более объемное понимание термина «аксиология».

В новом, «неоаксиологическом» смысле термин включает в себя не только теоретико-ценностный, но и практико-ориентированный подход [26, с. 15]. Дальнейшая разработка концепции привела к постулированию понятия «аксиологического поля», представляющего собой «синтез ценностно-оценочных связей, полюса которых обусловлены аксиологическим наполнением двух основополагающих структур – ценностью, вернее, объектной структурой, которая выступает в качестве носителя ценности, и оценкой, вернее носителем оценки. Как видим, аксиологическое отношение представляет собой классическое объект-субъектное отношение. Но в реалиях функционирования аксиологического поля не последнюю роль играет так называемое “аксиологическое притяжение”, которое в каждом конкретном случае определяет доминантную роль либо объектно-ценностного, либо субъектно-оценивающего начал» [27, с. 268].

Сегодня после утверждения концепции неоаксиологии на ряде международных философско-эстетических форумов (Минск – 2006, 2009, 2010; Москва – 2006, 2010; Вильнюс – 2011, Санкт-Петербург – 2013, Краков – 2013) можно с достаточной долей достоверности утверждать, что именно неоаксиологический подход может оказаться ведущим методологическим инструментарием,

новым и действенным средством исследования различных форм и пластов культуры, адекватным образом выявляя их специфику, глубину и роль в культуротворческой деятельности человека.

С нашей точки зрения, альтернативы этой методологии нет, поскольку мы понимаем культуру как тонкую духовную систему, в которой с наибольшей силой проявляются ценностно-оценочные связи людей к миру, социуму, своему «ближнему кругу» и своему внутреннему миру. Культура – это характеристика человеческого общества. Она не наследуется биологически, но предполагает обучение и накопление опыта восприятий культурных феноменов.

Культура напрямую связана с идеями, которые существуют и передаются в символической форме (по большей части посредством языка) и посредством художественных образов (это касается, главным образом, искусства). Разумеется, в культуре существуют нормы и некоторые её части (религиозная культура, нравственная культура) строятся в ценностной ориентации на этих нормах. Выше уже отмечалось огромное количество дефиниций культуры. С нашей точки зрения, и в XIX, и в XX веке были сформулированы две дефиниции, которые с достаточной силой отражают сущностную природу культуры. Одна из них, данная выдающимся этнографом и теоретиком культуры Э. Б. Тайлором, представляется нам исходной и не потерявшей своей значимости для современного культурологического знания: «Культура, или цивилизация в широком этнографическом смысле, складывается в своем целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [28, с. 18].

В XX веке А. Швейцер сформулировал несколько иное понимание проблемы: «Культура – это итог всех достижений отдельных лиц и всего человечества во всех областях и по всем аспектам в той мере, в какой эти достижения способствуют духовному совершенствованию личности и общему прогрессу» [29]. И ещё: «Нормальное осознание значимости культуры налицо только там, где проводится различие между существенным и несущественным в культуре. Конечно, и тот, и другой прогресс носит духовный характер, в том смысле, что оба зиждятся на духовных достижениях человека» [29, с. 56].

Нетрудно заметить, что в приведенных дефинициях Э. Тайлора и А. Швейцера акцентируется духовное содержание понятия «культура». Такой подход полностью отвечает нашим взглядам. С нашей точки зрения, культура в простейшем выражении являет собой духовный отблеск (духовное отражение) сущности бытия народа (этноса) и человека (в глобальном измерении – духовное отражение сущности человечества).

Культура – это прежде всего результат деятельности многих поколений людей; но это и осмысление результатов этой деятельности, чувственное ощущение и переживание феноменов культуры, воздействие сфер социального и духовного на людей. Культура – это свет духовного и зеркало души народа и человека.

Весьма непросто определить сферы проявления культуры. Марксистская философия четко делила культуру на две взаимосвязанных части: материальную и духовную (впрочем, духовное в этой интерпретации вытеснялось и подавлялось социальным). О том, что эти традиции имеют продолжение и в наше время, можно судить и по современным публикациям в научной литературе. Так, в книге Н. И. Крюковского [30] находим деление культуры на три части: материальную, духовную и художественную (как будто последняя не формируется на духовном стержне?).

С нашей точки зрения, материальное есть основание общественной жизни, оно создает фундамент для развития культуры, но лишь частично и входит в ареал культуры. Конечно, и материальные ценности создаются людьми и не порождаются в готовом виде природой. Но они свидетельствуют не о своеобразии духовного самовыражения, а об уровне удовлетворения материальных потребностей людей. Здесь речь может идти скорее не о культуре, а о цивилизации. Проблема дифференциации культуры и цивилизации представляется нам одной из основополагающих в культурологическом знании.

Она имеет мощную культурологическую традицию, присутствуя и определяя доктрины Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби.

На наш взгляд, принципиальное отличие заключается в том, что круг культуры составляет духовное, круг цивилизации составляют материальное и частично социальное начала.

Завершая рассмотрение этой проблемы, резюмируем: культура – это выражение духовной сущности человека и духовная связь поколений людей; цивилизация – это уклад бытия людей и производство вещей. Как точно заметил писатель М. Пришвин, «культура – это связь людей, цивилизация – это сила вещей».

Существенно одно дополнение – понятие «духовное», согласно многовековой славянской культурной традиции (и это отчетливо выражено во всех трех восточнославянских языках), употребляется в тесной связи с религией, храмом. Мы, разумеется, предлагаем современное, светское понимание понятия.

В этом плане духовность – социокультурный феномен, содержательными характеристиками которого являются освоение высших духовных ценностей (обществом и человеком) и свободное владение ими в целях человеческого совершенствования.

Основополагающие высшие духовные ценности, на наш взгляд, составляют ядро культуры; они выступают одновременно вечными (непреходящими) ее основаниями. Это сферы, связанные с понятиями Истина, Вера, Добро и Красота [31]. В обществе испокон веков существуют и институты, которые продуцируют эти ценности: школа (позже – университет), церковь или костел (в белорусских религиях), семья (основополагающая структура нравственного воспитания), искусство (основная институция по производству эстетических и художественных ценностей).

Подобное рассмотрение нами оснований содержания сущностной природы культуры позволяет предложить дефиницию этого сложного и многостороннего феномена: «Культура являет собой совокупность духовных ценностей, процесс их создания, освоения и оценки как обществом, так и отдельным человеком (личностью)» [31, с. 31].

...И теперь о заглавии этой статьи. Книга известного советского философа М. Мамардашвили носила название «Как я понимаю философию». В заглавном материале книги философ рассуждает о природе философии, «о природе того гуманитарного знания или гуманитарной искры, ее какой-то производящей духовной клеточки, которая описывается в понятиях философии и связана с духовным развитием личности» [32, с. 14].

Автор этих строк, отталкиваясь от предмета новой гуманитарной науки, которая по своей природе в качестве «духовной клеточки» призвана соединять человека с созданным его творчеством миром и сделать это сущностно и гармонично, решается на такое понимание этой новой сферы гуманитарного знания: «Культурология – это гуманитарная наука о культуре, о наиболее общих закономерностях ее развития; о феноменах культуры, об их создании, бытии, значимости и оценке с точки зрения человеческого существования» [31, с. 17].

Здесь следует сделать акцент на том, что культурология должна быть суверенной наукой о культуре. Как известно, практически все гуманитарные науки нацелены на изучение культуры, разных ее частей и сторон; культурология же должна исследовать культуру в целом как специфический, особого свойства феномен; культурологическая методология должна быть способна интегрировать знания о культуре и ее явлениях, полученные другими гуманитарными дисциплинами. Наконец, только культурология способна выявить закономерности развития культуры в ее различающихся сферах и формах, как и оценить место и роль отдельных культурных феноменов по широкой шкале – от отдельно взятого индивида и динамики субкультуры до развития национальной культуры и высших достижений мировой культуры.

Не следует забывать и о задачах культурологии, каковыми являются приобщение людей к культуре, постижение ее ценностей, погружение в глубины культуры, совмещение ритма ее бытия с ритмом жизнедеятельности каждой отдельно взятой личности.

Сверхзадача культурологии заключается в освоении человеком (обществом) ценностей культуры, формировании его в качестве заинтересованного реципиента культуры, активного субъекта культуры, ее носителя (творца).

Специфика культурологического отношения к миру заключается в том, что здесь система знаний обязательно должна дополняться системой пережитого и освоенного опыта личности в общении с объектами и ценностями культуры. Этот опыт, с философской точки зрения, может быть понят как основа непонятного знания о мире. В основе такого непонятного знания лежат, как правило, эмоции, чувства, поэтому в конечном итоге уровень эмоциональной культуры человека –

это во многом характер и качество его бытийного, познавательного и культурного опыта. Заметим, что из основополагающих сфер культуры, составляющих ее ядро, большая часть определяется именно уровнем переживания (такowymi являются религиозная и эстетическая сферы), т. е. они напрямую могут быть обусловлены эмоциональным потенциалом человека. Общеизвестно, что бытие в культуре (созидание ли, потребление ли ее ценностей) являет собой творческий процесс. А он во многом зиждется на эмоциональной основе и невозможен без элементов воображения и фантазии.

Культурология – достаточно молодая наука. Еще окончательно не определены ее категориальная система, соотношение между типами культур и субкультурами, механизмы восприятия ценностей культуры и ее оценки, специфика национального круга культуры, взаимоотношение и взаимодействие культур и т. д.

Более или менее разработаны предметная часть культурологии (ориентация на понимание культуры), историческая типология культур.

Конечно, особо остро стоит вопрос о применении методологии в культурологии. Полагаем, что разработанный нами неоаксиологический подход может оказаться наиболее эффективным для исследования континуума культурологической реальности, особенно в сферах культур повышенной сложности: «В религиозной, как и нравственно-этической сфере культуры исключительно важной оказывается роль ценностного притяжения, оценочные компоненты которого временами выходят на первый план. Так, нравственное сознание, исходным импульсом которого является общее основание морали, все же допускает определенную свободу нравственного выбора (и, следовательно, активность оценочного отношения).

...Эстетическое отношение (в силу моноцельности эстетической ценности) представляет собой конструкцию, где ценностное отношение может занимать доминирующую роль; аксиологическое поле художественного выстраивается (на основе полифункциональной структуры художественной ценности) на доминантной основе оценочного отношения.

...Все эти закономерности, как и другие аспекты, возникающие в динамике развития культуры, с достаточной силой проявляются сквозь призму неоаксиологии, которая придает движению структуральных полей культуры органичную полнокровность и завершенность» [33, с. 68–69].

Однако в каждой из своих трех частей – *фундаментальной* культурологии (обобщенно-теоретическое знание о культуре), *исторической* культурологии (специфика региональных и национальных культур в историческом процессе) и *прикладной* культурологии (культурно-просветительная работа и реабилитация в современном культурном процессе) необходимо, на наш взгляд, приложить много усилий для выведения новой гуманитарной науки на должный научный уровень, когда ее суверенность не будет подвергаться сомнению, когда она станет подлинным цементирующим стержнем, собирающим в единое целое знание других многочисленных гуманитарных наук о культуре, когда она, согласно постулатам Н. С. Рериха, одного из величайших апостолов мировой культуры, сможет собрать воедино «...все определения культуры» и тем самым набрать «синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной красоты».

Тогда и сама культурология превратится (на этом и зиждятся наши надежды) в культуроведение – мощный инструмент по совершенствованию человека, по возвращению в нем гуманизма и созидательного, творческого начала. В нашем понимании в этом, кроме всего прочего, и заключается высшее предназначение науки.

Список использованных источников

1. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – М.: Прогресс, 1973. – 407 с.
2. Артановский, С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур / С. Н. Артановский. – Л.: Просвещение, 1967. – 268 с.
3. Соколов, Э. В. Понятие, сущность и основные функции культуры / Э. В. Соколов. – Л.: ЛГИК, 1989. – 81 с.
4. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука / Э. С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
5. Розин, В. М. Введение в культурологию / В. М. Розин. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 104 с.
6. Гуревич, П. С. Культурология / П. С. Гуревич. – М.: Знание, 1996. – 288 с.
7. Рождественский, Ю. В. Введение в культуроведение / Ю. В. Рождественский. – М.: Добросвет, 2000. – 286 с.

8. Горбач, Н. Я. Теорія та історія сусветовай і вітчызнянай культуры: падручнік / Н. Я. Горбач, С. Д. Гелей. – Львів: Каменяр, 1992. – 166 с.
9. Конан, У. М. Беларуская культура. Гістарычны нарыс (X ст.–1917 г.) / У. М. Конан // Адукацыя і выхаванне. – 1994. – №10. – С. 24–37.
10. Качаноўскі, У. У. Гісторыя культуры Беларусі / У. У. Качаноўскі. – Мінск: Экаперспектыва, 1994. – 162 с.
11. Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1997. – 419 с.
12. Мікуліч, Т. М. Мова і этнічная самасвядомасць / Т. М. Мікуліч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1996. – 159 с.
13. Салееў, В. А. Нацыянальная самасвядомасць і мастацкая культура / В. А. Салееў. – Мінск: Знанне, 1990. – 22 с.
14. Салеев, В. А. Введение в культурологию / В. А. Салеев. – Мозырь: Мозырский гос. пед. ун-т, 2004. – 96 с.
15. Культурология: теория и история культуры / под общ. ред. И. Е. Ширшова. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 491с.
16. Культурология : учебное пособие для вузов / С. В. Лапина, Е. М. Бабосов, А. А. Жарикова, И. М. Клецкова, С. Н. Мизякина, И. А. Лапина ; под общ. ред. С. В. Лапиной. – Минск : ТетраСистемс, 2003. – 495с.
17. Мартысюк, П. Г. Культурология : пособие для студентов вузов / П. Г. Мартысюк, С. В. Масленченко. – Минск : ТетраСистемс, 2011. – 272 с.
18. Ионин, Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. – М.: ЛОГОС, 1996. – 280 с.
19. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 415 с.
20. Степин, В. С. Постнеклассическая рациональность и синергетическая парадигма / В. С. Степин // Синтез философии, науки, культуры : к 80-летию академика В. С. Степина / редкол. А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2014. – С. 448–462.
21. Каган, М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
22. Чавчавадзе, Н. З. Культура и ценности / Н. З. Чавчавадзе. – Тбилиси, 1984. – 142 с.
23. Тугаринов, В. П. Теория ценностей в марксизме / В. П. Тугаринов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 124 с.
24. Morawski, S. Dyskusja “Wartosci I oceny” / S. Morawski // Studia filozoficzne. – 1967. – № 4. – P. 43–56.
25. Graff, P. O prwomocnosci ocen / P. Graff // Studia filozoficzne. – 1967. – № 4. – P. 83–99.
26. Салеев, В. А. Аксиологические основания национальной художественной культуры : дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.04 / В. А. Салеев. – М., 1991. – 352 с.
27. Салеев, В. А. Неоаксиология: становление философской доктрины / В. А. Салеев // Inveniens quaero. Jeskoti, rasti, nenurinti. – Vilnae. – Vilnius, 2011. – P. 261–271.
28. Тайлор, Б. Первобытная культура / Б. Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
29. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.
30. Крукоўскі, М. І. Філасофія культуры. Уводзіны ў тэарэтычную культуралогію: вучэбны дапаможнік для студэнтаў гуманітарных спецыяльнасцей ВНУ / М. І. Крукоўскі. – Мінск: Універсітэцкае, 2000. – 190 с.
31. Салеев, В. А. Введение в культурологию: пособие: в 2 ч. / В. А. Салеев. – Мозырь: Мозырский гос. пед. ун-т, 2004. – Ч. 1. – С. 46–53.
32. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
33. Салеев, В. А. Неоаксиология и структуральные поля культуры / В. А. Салеев // Культура. Наука. Творчество: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 апр. 2007 г. – Минск, 2008. – С. 66–69.

References

1. Mol' A. *Sociodynamics of culture*. Moscow, Progress Publ., 1973. 407 p. (in Russian).
2. Atranovskii S. N. *Historical unity of mankind and mutual influence of cultures*. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1967. 268 p. (in Russian).
3. Sokolov E. V. *Concept, essence and main functions of culture*. Leningrad, Leningrad State Institute of Culture, 1989. 81 p. (in Russian).
4. Markaryan E. S. *Theory of Culture and Modern Science*. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 284 p. (in Russian).
5. Rozin V. M. *Introduction to Culturology*. Moscow, International Pedagogical Academy, 1994. 104 p. (in Russian).
6. Gurevich P. S. *Culturology*. Moscow, Znanie Publ., 1996. 288 p. (in Russian).
7. Rozhdestvenskii Yu. V. *Introduction to Cultural Studies*. Moscow, Dobrosvet Publ., 1996. 288 p. (in Russian).
8. Gorbach N. Ya., Geley S. D. *Theory and history of world and national culture* Lviv, Kamenyar, 1992. 166 p. (in Ukrainian).
9. Konan U. M. Belarusian culture. Historical description (20th century – 1917). *Adukatsyya i vykhavanne* [Education and training], 1994, no. 10, pp. 24–37 (in Belarusian).
10. Kachanouski U. U. *History of Belarusian Culture*. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 1994. 162 p. (in Belarusian).
11. Lych L., Navitski U. *History of Belarusian Culture*. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 1996. 419 p. (in Belarusian).
12. Mikulich T. M. *Language and Ethnic Identity*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1996. 159 p. (in Belarusian).
13. Saleeu V. A. *National self-awareness and artistic culture*. Minsk, Znanie Publ., 1990. 22 p. (in Belarusian).
14. Saleev V. A. *Introduction to Culturology*. Mozyr, Mozyr State Pedagogical University, 2004. 96 p. (in Russian).
15. Shirshov I. E., Balandin K. I., Kachanovskii V. V. *Culturology: Theory and History of Culture*. Minsk, Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 2004. 491 p. (in Russian).

16. Lapina S. V., Babosov E. M., Zharikova A. A., Kletskova I. M., Mizyakina S. N., Lapina I. A. *Culturology*. Minsk, TetraSistems Publ., 2006. 495 p. (in Russian).
17. Martyisyuk P. G., Maslennchenko S. V. *Culturology*. Minsk, TetraSistems Publ., 2011. 272 p. (in Russian).
18. Ionin L. G. *Sociology of culture*. Moscow, LOGOS Publ., 1996. 280 p. (in Russian).
19. Kagan M. S. *Philosophy of culture*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997. 415 p. (in Russian).
20. Stepin V. S. Post-nonclassical rationality and synergetic paradigm. *Synthesis of philosophy, science, culture: To the 80th anniversary of Academician V. S. Stepin*. Minsk, Belarusian State University, 2014, pp. 448–462 (in Russian).
21. Kagan M. S. *Philosophical theory of value*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997. 205 p. (in Russian).
22. Chavchavadze N. Z. *Culture and values*. Tbilisi, 1984. 142 p. (in Russian).
23. Tugarinov V. P. *Theory of values in Marxism*. Leningrad, Leningrad University Press, 1968. 124 p. (in Russian).
24. Morawski S. Dyskusja “Wartosci i oceny” [Values and Value Judgments. Diskussion]. *Studia filozoficzne*, 1967, no. 4, pp. 43–56 (in Polish).
25. Graff P. O prwomocnosci ocen [On the Validity of Value Judgments]. *Studia filozoficzne*, 1967, no. 4, pp. 83–99 (in Polish).
26. Saleyev V. A. *Axiological foundations of national artistic culture*. Moscow, 1991. 352 p. (in Russian).
27. Saleyev V. A. Neoaxiology: the emergence of philosophical doctrine. *Inveniens quaero. Jėskoti, rasti, nenurinti*. Vilnius, 2011, pp. 261–271 (in Russian).
28. Taylor B. *Primitive culture*. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 573 p. (in Russian).
29. Schweitzer A. *Reverence for Life*. Moscow, Progress Publ., 1992. 576 p. (in Russian).
30. Krukouski M. I. *Philosophy of culture. Conducting into theoretical cultural studies*. Minsk, Universitetskay Publ., 2000. 190 p. (in Belarusian).
31. Saleyev V. A. *Introduction to Culturology. Part 1*. Mozyr, Mozyr State Pedagogical University, 2004, pp. 46–53 (in Belarusian).
32. Mamardashvili M. *How i understand philosophy*. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p. (in Russian).
33. Saleev V. A. Neoaxiology and structural fields of culture. *Kul'tura. Nauka. Tvorchestvo: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 19–20 apr. 2007 g.* [Culture. The science. Creativity: materials of the International Scientific and Practical Conference, Minsk, 19–20 April. 2007]. Minsk, 2008. pp. 66–69 (in Russian).

Информация об авторе

Салеев Вадим Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vas@telegraf.by

Information about the author

Vadim A. Saleyev – D. Sc. (Philos.), Professor, Chief Scientific Researcher, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, 220072 Minsk, Belarus). E-mail: vas@telegraf.by